

Охранители: коменданты спецпоселков Западной Сибири в довоенный период*

Сергей Красильников

Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

Custodians: Commandants of the Special Settlements of Western Siberia in the Inter-War Period**

Sergey Krasilnikov

Institute of History, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The latest papers on the activities of the protective bodies of the Stalin era demonstrates a gap between the scale and depth of the study of the institutional aspects of the system itself, with a major focus on objects, the target groups of repression, and the degree of development of activity (behavioural practices of the corps of specific implementers of the state's repressive policy). Thus, while the circle of initiators and the upper and middle links of the punitive system are part of scholarly research, the numerous nomenclature workers of the lower level and direct executors of directives remain outside analysis. The above is also true about the personnel of penitentiary institutions. During early Stalinism, the establishment of the largest segment of the system of isolation and forced labor (i. e., the special peasant settlements) required strict deadlines and the recruitment of commandants. Being a part of the GULAG apparatus, the commandant corps, whose basic functions were similar to those of camp workers (supervision, punishment, and organisation of industrial and everyday internal activities),

* Благодарю старшего научного сотрудника Института истории СО РАН А. Г. Теплякова, с учетом конструктивной критики которого сформировалась концепция исследования.

** *Citation:* Krasilnikov, S. (2022). Custodians: Commandants of the Special Settlements of Western Siberia in the Inter-War Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 221–237. DOI 10.15826/qr.2022.1.668.

Цитирование: Krasilnikov S. Custodians: Commandants of the Special Settlements of Western Siberia in the Inter-War Period // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 221–237. DOI 10.15826/qr.2022.1.668 / Красильников С. Охранители: коменданты спецпоселков Западной Сибири в довоенный период // *Quaestio Rossica*. 2022 Т. 10, № 1. С. 221–237. DOI 10.15826/qr.2022.1.668.

occupied lower positions in the hierarchy of protective organisations. They had limited opportunities for promotion, tighter control over their activities by the local party nomenclature, and a multitude of conflicts with the latter. Based on the available sources and literature, the author reconstructs the basic aspects of the activity, everyday life, and nomenclature of the commandant corps of special settlements in Western Siberia. In addition to specific historical methods, the work refers to concepts developed by R. K. Merton and M. Foucault (functionality, disciplinarity, deviant behaviour) and the use of a database containing brief biographies of commandant office employees. These help us to identify the conditions, incentives, and motivation of their activities, and the typology of normative and deviant behaviour. It is concluded that the commandant corps was both an embodiment and a hostage of the Stalinist management model, in which the line between norm and deviance was blurred. The functioning of the special settlements system was ensured by high mobility, personnel “dropout”, and the ability of commandants to adapt their activities in extreme conditions.

Keywords: protective system, special settlement, Western Siberia, commandants, disciplinarity, deviant behaviour

Постановка проблемы обусловлена тем, что проблемное поле новейших работ о деятельности охранительных органов сталинской эпохи формирует устойчивую диспропорциональность, разрыв между масштабностью и глубиной изучения институциональных сторон функционирования самой системы с приоритетом на объекты, целевые группы репрессий и степень разработки деятельностно-поведенческих практик корпуса конкретных реализаторов государственной репрессивной политики. И если круг инициаторов, высшего и отчасти среднего звена карательной системы находится в сфере научной разработки, то масса номенклатурных работников нижнего звена, прямых исполнителей директив остается вне аналитического исследования. Сказанное вполне применимо к кадровому составу работников мест исполнения наказаний. Создание в раннесталинское время самого масштабного сегмента системы изоляции и принудительного труда – крестьянских спецпоселений – потребовало экстремальных сроков и форм кадрового наполнения исполнителей (комендантов). Входящий в состав аппарата ГУЛАГа комендантский корпус, выполняя схожие с лагерными работниками базовые функции (надзор, наказание, организация производственной и внутренней жизнедеятельности), занимал в иерархии охранительных органов низшие статусные позиции, обладал ограниченными возможностями карьерного продвижения, ощущал более плотный контроль над своей деятельностью со стороны местной партийной номенклатуры и имел множество конфликтов с последней. В данном исследовании на основе доступных источников и литературы проводится реконструкция базовых сторон деятельностно-поведенческой повседневности и особенностей номенклатурного выживания комендантского корпуса спецпоселений Западной Сибири. Помимо конкретно-исторических методов, используются разработки Р. К. Мертон и М. Фуко (функцио-

нальность, дисциплинарность, девиантное поведение) и возможности базы данных на основе кратких биограмм работников комендатур, позволяющие выявить условия, стимулы и мотивацию их деятельности, типологию нормативного и отклоняющегося поведения. Сделан вывод о том, что комендантский корпус являлся воплощением и заложником сталинской модели управления, в которой стиралась грань между нормой и девиантностью, а функционирование спецпоселенческой системы обеспечивалось высокой мобильностью, кадровым «отсевом» и способностью комендантов к адаптации при деятельности в экстремальных условиях.

Ключевые слова: охранительная система, спецпоселение, Западная Сибирь, коменданты, дисциплинарность, девиантное поведение

Постановка проблемы

На рубеже 1980–1990-х гг. на пике общественного интереса к тематике государственных репрессий руководство страны приняло решение о включении в круг категорий, требовавших политической реабилитации, той громадной массы советских граждан, которые подвергались внесудебным репрессиям в так называемом административном порядке с помещением их в спецпоселения. Это был, по образной характеристике одного из зарубежных историков Линн Виола, «неизвестный ГУЛАГ», социальной основой которого в 1930-е гг. стало репрессированное крестьянство [Виола]. Вышедшие в постсоветский период самые разнообразные издания – от научных изысканий до публикаций эго-источников, насчитывающие сотни наименований, содержат весьма ценную информацию о «затерянном мире спецпоселений». При констатации неоспоримых достижений в профессиональной сфере изучения репрессивного раскрестьянивания применительно к 1930-м гг. [Земсков; Ивницкий] здесь образовались своего рода разрывы между громадным объемом эмпирического материала, ставшего доступным исследователям, и возможностями и методами достижения верифицируемых исторических реконструкций повседневности спецпоселений, где главными сторонами взаимодействия выступали фигуры комендантов и семьи ссыльных.

Деятельность комендантской управленческой вертикали в большинстве своем отражена в официальных источниках обезличенно, в статистических измерениях и в формате, в котором отмечались только либо позитивные, либо девиантные отклонения от нормативных установлений. Но и основной объект надзора – семья (одиночки составляли незначительную группу) – в документах отражался преимущественно таким же образом. Комендантам, имевшим массу различий в уровне образовательного, мировоззренческого, жизненного опыта, предстояло управлять крестьянскими семьями, более однородными в социокультурном, экономическом и поведенческом отношении, контроль над жизнедеятельностью которых достигался

не только прямым насилием, но и возможностями взаимной адаптации, приспособлением к условиям и нормам вынужденного режимного сосуществования.

Стабильность или дестабилизацию ситуации в комендатурах в первую очередь определяли причины, не зависевшие напрямую от повседневной деятельности комендантов, входившие в круг компетенций вышестоящих звеньев спецпоселенческой управленческой вертикали (определение места расположения поселка, направленность трудовой деятельности трудоспособной части ссыльных, ресурсное обеспечение как спецпоселков, так и самих комендантов и т. д.). Наряду с этим сама повседневная рутинная деятельность комендантов и подчиненных им работников требовала выполнения не только нормативных установлений, но и способности к принятию самостоятельных решений и действий, что находилось в прямой зависимости от их личного опыта, умения, навыков. Одним из решающих признаков, определявших успешность или провал их номенклатурного выживания, была способность выстраивания коммуникационных связей как со спецпереселенцами, так и с руководством не только своего ведомства, но и местных партийно-советских и хозяйственных органов в районах размещения спецпоселков, что можно было бы обозначить как потенциал комендантской договороспособности.

В какой мере комендантский корпус созданной в экстремальных условиях и фактически с нуля в начале 1930-х гг. сети спецпоселений мог соответствовать реализации поставленной перед ним триединой задачи (охранять, организовывать, «перевоспитывать») в отношении ссыльных крестьян? В исследовательской литературе, посвященной крестьянской ссылке, данный аспект оказался забытым: нет ни одной профильной публикации, посвященной комендантам как центральным фигурам в исполнении репрессий. В упоминавшихся выше обобщающих трудах комендантский корпус практически обезличен: приводятся некоторые статистические сведения о штатах спецпоселений [Земсков, с. 30–31] либо анализируются структурные трансформации комендатурной системы [Ивницкий, с. 105–127], но не ее кадровое наполнение. Отсюда и появление таких амбивалентных оценок, как те, что в большинстве трудпоселков взаимоотношения между ссыльными и сотрудниками комендатур «сложились, можно сказать, нормальные», а произвол комендантов «нельзя назвать безграничным» [Земсков, с. 30–31].

В нашем исследовании, базирующемся на комплексе биограмм комендантов и их помощников, служивших в спецпоселках Западной Сибири 1930-х гг., подготовленном А. Г. Тепляковым [Книга памяти, с. 505–526], а также на документальных источниках, проанализированных нами в разделе «Комендатуры и коменданты» [Красильников, с. 172–237], предпринята попытка ответа на поставленный выше вопрос путем реконструкции ряда базовых характеристик динамики их численности, состава, каналов пополнения, форм мобильности,

видов поощрений и санкций, формировавших повседневность охранителей. Этим определяется основной метод работы – просопографический, позволяющий путем формализации массива информации отдельных биографий реконструировать своего рода групповой портрет комендантов в конкретных условиях места и времени их деятельности.

Термины и методические подходы

Само слово «комендант» отражает устойчиво закрепившееся за ним функциональное назначение как работника, отвечающего за режим и порядок во вверенной ему организации. Комендант в спецпоселениях выступал наделенным полномочиями представителем государственной власти, но в особом охранительном формате, поэтому в работе в качестве синонима используется термин «охранитель». Охранительность понимается как функция обеспечения устойчивости деятельности государственных институтов и их защиты путем институционально организованного контроля, надзора и управления над группами или категориями общества, признаваемыми потенциально или реально опасными для действующего режима и требовавшими тех или иных форм изоляции. В данном случае речь идет о репрессированном крестьянстве, высылаемом во внесудебном порядке с принудительным занятием трудом и на неопределенный период в образованные для этих целей специальные поселения, как правило, дислоцированные на необжитых труднодоступных территориях страны. Поскольку по своему характеру пребывание на спецпоселении являлось разновидностью ссылки, понятия «спецпереселенец», «трудпоселенец» и «ссылный» употребляются как синонимы. Понятие «крестьянская ссылка» использовано для отграничения последней от «этнической ссылки», начавшейся со Второй мировой войны. Географически в работе представлена территория комендатур, расположенных прежде всего в северных районах современной Томской области, носивших обобщенное название Нарымский край, который был административно оформлен как Нарымский округ с центром в с. Колпашево. Хронологические рамки работы охватывают 1930-е гг., включавшие в себя три фазы функционирования комендатурной подсистемы, входившей в ГУЛАГ: создание (1930–1932), реорганизация (1933–1934) и устойчивое ее функционирование (с 1935 г.).

В анализе деятельности комендантского корпуса охранительной системы использован подход, применяемый для рассмотрения в современной управленческой практике понятия «распределенные системы», где вертикальные связи дополняются развитыми горизонтальными связями, а отдельные элементы подсистемы приобретают черты автономности. При некотором логическом допущении комендатурное управление представляло собой тип «распределенной охранительности», при которой краевые, а затем и участковые/районные структуры наделяли низовые поселковые структуры функци-

ями ответственности в применении власти (экстерриториальностью действий). При этом распределенная охранительность содержала в себе и элементы распределенного насилия: управляющие структуры, рассылая циркуляры, инструкции и приказы, требовали применения насилия в нормативных пределах, хотя низовые исполнители (коменданты) в практике управления спецпоселками сплошь и рядом прибегали к ненормативному насилию. Наличие механизмов и технологий надзора над деятельностью комендантов и принципов наказания за девиации играло в некоторой степени роль сдерживающего насилия фактора, создавая у исполнителей страх и угрозу самим быть изгнанными из системы. Однако девиантное поведение приобретало в охранительных структурах системный характер, что требовало постоянной чистки комендантского корпуса.

Спецпоселки: количество и штаты. Для 1930-го, первого года их существования, об этом можно говорить только приблизительно. Если брать за основу региона главного расселения 100 тыс. семей (примерно полмиллиона человек) ссыльных крестьян (Северный край, Урал, Сибирь), то оценка колеблется от 700 до 1 тыс. поселений. Сказывалось отсутствие опыта организации спецпоселков, были значительные изменения в их территориальном размещении и численности семей в них. Более точные сведения о дислокации комендатур и количестве поселков в них появляются во второй половине 1931 г. с переходом централизованного управления административно-хозяйственной деятельностью спецпоселений из ведения расформированного республиканского Наркомата внутренних дел РСФСР в ведение ОГПУ. В ходе второй, самой массовой депортационной кампании весны – лета 1931 г., затронувшей около 1,3 млн чел., в комендатурах аграрно-промыслового назначения в стране было создано 1 860 неуставных артелей, соответственно, эта цифра отражала и количество спецпоселков. Исходя из соотношения на тот момент между комендатурами аграрной и индустриальной специализации как 3 : 1 можно предположить, что на пике наибольшей численности спецпереселенцев к началу 1932 г. количество поселков могло насчитывать 2 400 единиц. Так, на территории Западной Сибири, где численность высланных крестьянских семей составляла почти 300 тыс. чел., количество поселков достигало 370, а через год, к концу 1932 г., с учетом процессов разукрупнения поселков их в регионе насчитывалось уже 500 [ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. Л. 84–85; Ф. Р-1353. Оп. 3. Д. 67. Л. 11].

В 1935 г., когда произошла стабилизация сети комендатур, ее аграрно-промысловый сегмент насчитывал 1 245 неуставных артелей в общем количестве поселков (1 797). В соответствии со штатным расписанием комендантский состав исчислялся 1 800 чел. (по одному на поселок). При некотором сокращении количества спецпоселков на начало 1938 г. (1 761) административное управление ими осуществляли 150 районных и 800 поселковых комендатур со штатом

в 2548 чел., куда, помимо работников отделов трудпоселений и так называемого периферийного звена (комендантов и их помощников), входили также 567 милиционеров [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 620. Л. 12; Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 47. Л. 28–29].

Динамика региональной сети комендатур и их штатов. Выявленные в делопроизводственных источниках сведения позволяют судить, как функционировала комендантская система в Западной Сибири в экстремальных условиях ее перенагрузки в 1931–1932 гг. в связи резким возрастанием численности спецпереселенцев. Ссылные крестьяне с семьями первой массовой волны высылки 1930 г. в Сибирский регион (20 тыс.) и внутри него (80 тыс.) наполовину размещалась в комендатурах Западной и Восточной Сибири. Вторая депортационная кампания 1931 г. привела к размещению в северных районах Западной Сибири (Нарымском крае) 182 тыс. чел. В отчетном докладе начальника СибЛАГа И. М. Биксона краевому партийному руководству «Об итогах хозяйственного освоения спецпереселенцами Нарыма за период с мая 1931 по июнь 1932 г.» приведены данные, позволяющие представить масштабы, механизмы и результаты решения проблем формирования аппарата комендатур, структуру и динамику их состава, включая и причины так называемого аппаратного отсева в течение отчетного года [ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 46–50].

Создание сети новых спецпоселков, помимо имевшихся с 1930 г., потребовало некоторых организационно-структурных изменений в строении аппарата на периферии. При сохранении двухступенчатой иерархии, верхнее звено которой было представлено участковыми комендатурами, фактически располагавшимися в административных границах существовавших в крае районов, нижнее звено составляли поселковые комендатуры, осуществлявшие управление группой из нескольких поселков, расположенных в относительной близости друг от друга. Но в связи с резким увеличением численности спецпоселков для укомплектования управления им потребовалось еще 410 чел. Партийная мобилизация, проведенная крайкомом партии, дала только 50 коммунистов (20 – для работы в участковых и 30 – в поселковых комендатурах). Не получив необходимого числа комендантов через партмобилизацию, комендантское управление было вынуждено опубликовать в печати объявление о приглашении находившихся в запасе сотрудников охранительных органов на работу в комендатурах, а также на низшие должности стрелков/вахтеров. Из подавших заявления 300 чел. комиссия ОГПУ отобрала только 180 чел. Но даже такая мера не привела к ожидаемому результату.

Последующий после вселения спецпереселенцев второй депортационной волны годовой период работы комендатур сопровождался значительным отсевом управленцев обоих звеньев. По итогам постоянных проверок состава комендатур увольнению подлежали

450 чел.: среди служивших участковыми комендантами и их помощниками – 74 чел., а на уровне работников поселковых комендатур – 376 чел. Для того, чтобы восстановить кадровый отсев именно управленческого звена нарымских комендатур, в течение отчетного года продолжалась новая мобилизация через аппарат полпредства и СибЛАГа ОГПУ с привлечением также и членов партии, которая дала пополнение в 74 чел. Из числа уволенных в связи с несоответствием занимаемым должностям и по другим основаниям в отношении 70 чел. были возбуждены дела за допущенные злоупотребления и преступления, 13 работников понесли наказания в административном порядке, а остальные осуждались коллегией ОГПУ по различным статьям УК РСФСР на сроки от трех до десяти лет (один был приговорен к расстрелу). Среди осужденных преобладали поселковые коменданты и милиционеры (2/3). Начальник СибЛАГа констатировал, что даже произведенные кадровые чистки аппарата низового звена (поселковых комендантов) не достигли своей цели, и требовалась замена тех, кто «слабо подготовлен вообще, не имеет достаточной политической грамотности и не обладает необходимым хозяйственным кругозором» [ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 49–50]. Обследовавшая ряд комендатур в феврале 1932 г. комиссия крайкома партии полагала, что до половины состава поселковых комендантов «требует немедленной замены» [ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 361. Л. 41].

Очередной организационно-структурный сдвиг в функционировании комендантского корпуса в Западной Сибири произошел в 1933 г. в связи с попыткой реализации крайне масштабного по замыслу, но в реальности провалившегося плана депортации в спецпоселки Нарымского края и Северного Казахстана так называемого деклассированного, маргинального контингента из крупных городов европейской части страны и пограничных территорий, соединившего территориальные чистки с выявлением на предприятиях бежавших от коллективизации кулаков и с «разгрузкой» мест заключения от рецидивистов со сроками от трех до пяти лет. В общей сложности в каждый из названных регионов должно было поступить до миллиона человек. Предусматривалось, что труд «новых контингентов» сможет быть использован в освоении восточных территорий страны, как и потенциал ранее ссыльных крестьян.

Маргинальная депортация, в отличие от крестьянской, обернулась полным провалом замысла: в комендатуры Западной Сибири было завезено около 130 тыс. чел., распределить их пришлось как в северных (нарымских), так и в южных (кузбасских) спецпоселках. Изменилось название поселков (теперь они стали называться трудпоселениями). Реорганизации подверглась управленческая система комендатур в Нарымском крае, поскольку в подчинение ОГПУ передавалась вся хозяйственная и социокультурная инфраструктура на этой территории. Соответственно, вместе с ростом численности населения спецпоселков выросли и штаты участковых (ставших за-

тем районными) и поселковых комендатур. Так, состав работников участковых комендатур осенью 1933 г. насчитывал 219 чел., а поселковых – 272 чел. (491 чел. в совокупности). С учетом работников участковых и поселковых комендатур в южных районах Западной Сибири (266 чел.) их численность в регионе в целом достигла 757 чел. (сюда включались и милиционеры) [Спецпереселенцы, с. 243–245]. На 1937 г. при наличии в Западной Сибири 517 поселков штат отдела трудпоселений Западной Сибири, куда, помимо работников краевого аппарата, входили коменданты с их помощниками, в регионе насчитывал 687 чел., включая 193 милиционера. В общей штатной численности работников трудпоселений страны доля работавших в Западной Сибири составляла 27 % и являлась наибольшей среди других регионов [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 47. Л. 29]. Следовательно, за вычетом милиционеров можно допустить, что численность собственно комендантского состава в Западно-Сибирском регионе после 1933 г. стабилизировалась в пределах 500 чел., что в целом соответствовало количеству спецпоселков (510 на начало 1938 г.) [ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4а. Д. 16. Л. 16–32].

Историческая реконструкция комендантского состава Нарыма

Применительно к рассматриваемой социально-профессиональной группе комендантов и их помощников определен следующий набор характеристик: персонификация, возраст, социальное происхождение, характеристики, определявшие статусное положение (образование, партийность, занимаемые должности), поведенческие показатели (служебные поощрения и наказания). Ограничения в доступности гражданских исследователей к работе с кадровым делопроизводством охранительных структур позволяют рассчитывать только на информационный потенциал партийного документооборота (информация, сопровождавшая прием в партию, рассмотрение результатов деятельности, проверки в ходе чисток и т. д.). Очевидная неполнота и фрагментарность сведений и в этом случае позволяют, тем не менее, создать определенную базу данных для реконструкции жизнедеятельности указанной группы в Нарымском крае на протяжении 1930-х гг. В нее вошли данные о 195 комендантах и их помощниках, включая также сведения о нескольких руководителях регионального отдела спецпоселений.

После пережитого системой кадрового коллапса 1930–1931 гг. произошла некоторая стабилизация управленческого звена комендатур в пределах 500 чел., когда в течение года отсеб примерно десятой части компенсировался за счет приема новых работников и должностной мобильности внутри системы. Следовательно, представительность этой выборки даже с учетом такой кадровой динамики не должна была быть ниже допустимой. Биограммы были сформированы А. Г. Тепляковым

и опубликованы качестве приложения к Книге памяти жертв политических репрессий Новосибирской области [Книга памяти, с. 505–526]. На этой основе нами осуществлен анализ совокупности характеристик комендантской группы, отмеченных выше. Для каждого из признаков ввиду неполноты данных отмечались общее количество сведений и соотношение по выделенным внутри категориям.

Возрастные характеристики (161 чел., по годам рождения). Старшая группа представлена родившимися в диапазоне 1882–1890 гг. (13 чел.). Количественно преобладают группы сотрудников, родившихся в 1896–1900 (31чел.), в 1901–1905 (46 чел.) и 1906–1910 (50 чел.). Родившихся после 1911 г. оказалось 4 чел. Исходя из того, что биограммы более чем на $\frac{3}{4}$ отражают данные о работе в комендатурах за 1931–1937 гг., в изучаемой выборке на этот период основную группу представляли охранители, назначавшиеся на первые должности в комендатуре, в возрасте от 26 до 40 лет. Основной возраст работников комендатур поселкового уровня находился в диапазоне 20–35 лет, участковых – 36–40 лет. Самый старший по возрасту в выборке К. Д. Валентинок (1882 г. рожд.) до революции служил в царской армии. После Гражданской войны он работал в финансовых органах. Перед переходом в комендатуру был председателем сельсовета. Попав по партмобилизации в охранительный аппарат в возрасте 50 лет, он прослужил с 1932 по 1936 г. помощником поселкового коменданта. Позднее и до 1942 г. – поселковый комендант в Колпашевской райкомендатуре Нарымского округа. Близкий к нему по возрасту И. М. Хазов (1883) служил в царской армии, затем в РККА. Работал в Москве и Ленинграде. В 1933 г. по партмобилизации был направлен в Нарымский округ поселковым комендантом. Самым молодым по возрасту среди поселковых комендантов был А. Д. Костарев (1911), выходец из жившей в Нарымском крае крестьянской семьи, ставший комендантом в с. Нарым в 27 лет. Из данных о возрасте следует, что в составе комендантского корпуса были представлены три поколения: рожденные до 1900 г. в большинстве своем прошли через обе войны (Первую мировую и Гражданскую), родившиеся в 1901–1905 гг. частично участвовали в Гражданской войне, но их социализация и приобретенные профессиональные статусы пришлось на 1920-е гг. Третье поколение, очень немногочисленное, попадало в аппарат комендатур в конце 1930-х гг. через комсомольские призывы.

Социальное происхождение и положение. Статусно-учетные характеристики того времени не были жестко стандартизированы, хотя сами работники обязывались указывать как свое происхождение (по главе семьи), так и социальный статус. В изученной группе (данные на 125 чел.) встречался как первый вариант (из крестьян, из рабочих и т. д.), так и второй – только статус без происхождения (крестьянин, рабочий, служащий, кустарь). В случае с указанием кре-

стьянского происхождения присутствовало деление – из бедняков, середняков и богатых. Показатели социального происхождения и статуса свидетельствуют, что в стране с преимущественно крестьянским населением среди комендантов доминировали выходцы из крестьянской среды (с учетом сменивших затем свой статус по сравнению с родителями доля таковых составляла $\frac{3}{4}$). Однако если брать во внимание должностные позиции в аппарате комендатур, то более высокие посты занимали потомственные рабочие и служащие. Непрерывные проверки происхождения и статуса работников комендатур приводили, хотя и редко, к увольнению «за скрытие происхождения».

Социальный фактор, служивший пропуском при фильтрации кадров для комендатурной системы, оказывался не единственным и действовал в сочетании с характеристикой образовательного уровня, важного для функциональной работы комендантов, поскольку, помимо административно-охранительной деятельности, они отвечали за хозяйственно-бытовое состояние спецпоселков. В случае с неуставными артелями они несли прямую ответственность за результаты производственной деятельности, а также осуществляли надзор за применением труда спецпереселенцев хозяйственными организациями. В изученной группе, где был установлен уровень образования комендантов (90 чел.), оказалось, что у 72 из них имелось только начальное («низшее») образование, что отражало их социальное происхождение, (в основном это были крестьяне, а также рабочие, родившиеся до Первой русской революции). Для крестьянства ситуация не особенно изменилась и в 1920-е гг., когда уже решалась государственная задача ликвидации неграмотности. Небольшая группа работников, имевших более высокий образовательный уровень (от незаконченного среднего до профессионального образования), получала его в раннесоветский период (подготовка для командных должностей в РККА, на курсах и в школах партийных и охранительных органов). Для поселковых комендантов и их помощников низший образовательный уровень был типичным, их функционирование зависело в большей степени от практического опыта и оценок деятельности со стороны управляющих ими структур. Недостаток образования мог привести к должностным и уголовным преступлениям, однако существовали и действовали компенсаторные механизмы (более образованные штатные работники становились секретарями, бухгалтерами, выдвиженцы из числа спецпереселенцев – уполномоченными артелей и др.). Прямой корреляции между образовательным уровнем и должностью в комендантской иерархии не было. Участковыми комендантами назначались и служили лица не только с образованием выше начального. Здесь учитывался и ценился в большей мере предыдущий опыт работы в советских, хозяйственных и охранительных органах до службы в комендатурах.

Базовыми критериями и безусловными признаками политической благонадежности при назначении на должности в данной группе яв-

лялись *партийность* (член и кандидат ВКП(б), а также «сочувствующий») и членство в ВЛКСМ. Беспартийными могли быть только представители низшего состава – милиционеры. В изученной группе, где у охранителя указывался год вступления в партию (143 чел.), выделялись несколько категорий (вступившие в партию в годы революции и Гражданской войны – 30 чел., в первой половине 1920-х – 10 чел., во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. – 80 чел., и после 1932 г. – 23 чел.). Значительность группы работников, имевших партийный стаж с 1917 г., показывает стремление руководства спецпоселений обеспечить аппарат ядром «надежных» партийцев, хотя это не означало, что именно из них комплектовалось звено участковых комендантов. Таковых насчитывалось не более 10. Для участвовавших в событиях эпохи войн и революций партийность не влекла за собой служебную карьеру автоматически. Большинство из них занимали скромные должности (не выше районного звена), другие имели в 1920-е гг. партийные выговоры. С учетом возраста вступления в комендантские должности (около 40 лет и старше) для них работа в комендатурах скорее являлась каналом горизонтальной мобильности со сменой прежних сфер деятельности. Фактически кадровой опорой для комендантской системы выступили те, кто вступили в партию в годы «Великого перелома» (1929–1932), – 70 чел. Здесь присутствует корреляция между временем вступления в партию и потоком перманентных партийно-кадровых мобилизаций, в число которых входили партмобилизации для укрепления аппарата комендатур.

Членство в партии не только давало преференции, но и создавало опасность санкций по партийной линии за проступки и преступления вплоть до исключения из ВКП(б). Как правило, в менее криминальных случаях деяния оценивались выговорами и исключением из партии, но с возможным восстановлением через некоторое время. В изученной группе 34 чел. исключались из партии, но только в 14 случаях после исключения работник комендатуры впоследствии добивался восстановления в партии. Зафиксировано даже несколько фактов, когда комендант исключался из партии и затем восстанавливался с сохранением или понижением в должности, но затем вновь исключался за аналогичные деяния. Сам факт того, что достаточно типичным приемом дисциплинирования комендантов выступал механизм партийных санкций, свидетельствовал о том, что принцип «надзирать и наказывать», который выступал основой охранительности во взаимоотношениях коменданта со спецпереселенцами, имел и обратный вектор действия, и тогда объектами наказаний становились сами коменданты за свои девиантные действия.

Каналы формирования комендантского корпуса и должностная мобильность. При комплектовании кадров охранителей выделялись три главные сферы деятельности, учитывавшиеся в ходе назначения на должности управленцев в спецпоселениях, – служба в госу-

дарственных и хозяйственных органах, военная служба и служба в охранительных структурах. В долевым отношении в группе, где указывались места и должности работы до поступления в комендатуру (170 чел.), работники гражданских учреждений преобладали по сравнению с военными (43 чел.) и охранителями (60 чел.). Здесь следует учитывать то, что многие из представителей первой группы (гражданские) прошли через две войны, но в дальнейшем с военной службой уже не были связаны. Для военных, находившихся в запасе, служба в комендатуре являлась вариантом горизонтальной профессиональной мобильности. Среди имевших опыт кадровой работы в охранительных структурах (ОГПУ, милиция) выделялись две категории: 1) начинавшие службу в 1920-е гг. и работавшие в данных органах без перерыва (14 чел.), работавшие некоторое время в них, но перешедшие на другую работу (11 чел.); 2) начавшие службу в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (36 чел.); из них 16 чел. проработали в данных структурах до перехода в комендатуры более трех лет, а у 20 чел. стаж охранительной работы был менее трех лет.

С позиций статусной мобильности перемещение из гражданских сфер в охранительную несло в себе потенциал приобретения более высокого статуса скорее для тех, кто занимали должности в низовых структурах (продавец, председатель сельсовета, заведующий магазином, складом, кооперативный работник и т. д.). Позиции поселковых комендантов в зависимости от размеров и количества поселков в подчинении оказывались статусно выше, чем председателей сельсовета или колхоза. Применительно к советским и хозяйственным работникам районного звена перемещение на должности в участковых комендатурах носило горизонтальный характер, тогда как для руководителей окружного уровня переход в комендатуру означал понижение номенклатурного уровня. До перехода на комендантские должности эта категория включала в себя председателей райисполкомов и их заместителей, руководителей земельных, финансовых, торговых и др. отделов. Оставалась некоторая возможность построения карьеры при попадании из комендантов в аппарат отдела спецпоселений, но это происходило в единичных случаях.

В начальный период формирования сети спецпоселений (1930 г.) происходила мобилизация для работы в них на командных должностях аппаратных работников милиции, включая начальников и их заместителей. Тогда же шла мобилизация и работников мест заключения, но не руководящего звена. Среди сделавших карьеру следует назвать начальника Барнаульского окружного адмтдела И. И. Долгих, назначенного в 1930 г. начальником Комендантского управления, а затем вплоть до 1938 г. возглавлявшего краевой отдел спецпоселений и впоследствии продолжавшего работу в ГУЛАГе начальником ряда лагерей.

Поощрения и наказания для комендантов. Как и любая служебная деятельность, последняя включала в себя как поощрения, так

и санкции. Следует отметить, что в разряд поощрений комендантов в 1930-е гг. не входили государственные награды. Не только коменданты, но и управленцы краевого уровня их не получали. Хотя представление краевых руководителей Западной Сибири к награждению орденом Ленина начальника Отдела трудпоселений И. И. Долгих «за успешное проведение хозяйственного и политического освоения трудпоселений в необжитой Нарымской тайге» 5 апреля 1937 г. было поддержано наркомом внутренних дел Ежовым [ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 91. Л. 135], оно не получило утверждения. Поэтому перечень внутриведомственных поощрений для комендантов оказывался весьма простым – объявление благодарности, награждение грамотой, денежная премия в размере оклада, путевка в южные дома отдыха, а также вещественные подарки (велосипед, патефон, фотоаппарат, ружье и т. д.). К разряду наградных можно отнести серебряные часы и именное оружие, хотя это случалось нечасто. Государственные награды комендантам начали вручаться позднее, особенно в послевоенное время по выслуге лет.

Наказания носили как должностной, так и партийный характер и были взаимосвязаны между собой, поскольку основу для них создавали должностная деятельность и бытовое поведение. В изученной группе имеющаяся информация позволяет выделить следующие виды наказания: снятие с должности (34 чел.); административное наказание (12 фактов – арест на некоторое время с исполнением обязанностей, выговор); начато следствие, но прекращено (4 факта); проведено следствие, дело отдано в суд, но решение неизвестно (11 фактов); осуждение на различные сроки (11 чел.). Здесь простое механическое сложение наказаний невозможно, поскольку снятию с должности или осуждению предшествовали сделанные комендантам выговоры и т. д. Однако очевидно, что в комендантской среде должностные наказания носили систематический характер.

Более разветвленной является шкала видов наказаний, вынесенных по партийной линии. Здесь в сгруппированном нами виде они представлены следующими формулировками из документов и расположены по убывающей: пьянство, непристойное поведение, дебош (46 фактов); развал работы, провалхозполиткампаний (уборочная, посевная и др.) (24 факта); присвоение денег, растрата, спекуляция, самоснабжение (17 фактов); сожительство со спецпереселенками (16 фактов); избиения, пытки, убийство, изнасилование и др. преступления (16 фактов); сокрытие происхождения, присвоение партстажа, связь с арестованными родственниками (12 фактов). В отдельную категорию выделены общие формулировки типа «многочисленные злоупотребления властью», «нарушение законности», «использование служебного положения», «потеря классовой бдительности» и т. д. (18 фактов).

Наиболее громким и получившим огласку вплоть до центральных партийных органов стало расследование действий работников комендатур Нарымского округа в связи с вселением в спецпоселки

региона в мае – июне 1933 г. значительной массы маргинального, деклассированного и уголовного контингента. Целая цепь непродуманных и несогласованных решений со стороны охранительных органов повлекла за собой события, вошедшие в историю спецпоселений как «Назинская трагедия». Тогда из-за преступных действий руководства Александро-Ваховской комендатуры из 6 тыс. чел., высаженных во второй половине мая на речной остров напротив дер. Назино, в течение десяти дней умерли до 2 тыс. чел. Это крайне редкий случай, когда расследование осуществлялось краевой комиссией с введением в ее состав наряду с представителями ОГПУ и СибЛАГа работников крайкома партии и прокуратуры. Репрессии и наказания комендантского состава, снабженцев, стрелков данной комендатуры носили жестко показательный характер: на начало ноября к различным наказаниям было привлечено 112 чел., в числе которых были арестованы и преданы ведомственному суду коллегии ОГПУ 26 чел., значительная часть других подлежала увольнению. Санкции коснулись и верхнего звена – был снят с должности начальник СибЛАГа А. А. Горшков, получил строгий партийный выговор И. И. Долгих [ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 131; Спецпереселенцы, с. 114–118].

Неполнота информации не позволяет детализировать посткомендантскую деятельность тех, кто в силу различных обстоятельств и причин уходил из комендантской корпорации, но в 57 случаях есть возможность установить сферы их труда: продолжили работу в охранительных структурах (ОГПУ – НКВД – МВД) или в армии в годы войны 32 чел.; стали служащими в гражданском секторе (инспекторы, секретари, контролеры и т. д.) 11 чел.; занимали руководящие должности (директор завода, профсоюзный деятель, председатель колхоза и т. д.) 10 чел.; вернулись к рабочей и крестьянской жизни 4 чел. Это свидетельствует о том, что для бывших комендантов в дальнейшем действовали те же универсальные пути социально-профессиональной мобильности: восходящий (карьера), нисходящий (отсев) и горизонтальный (переход в гражданские сферы).

Коменданты: от нормы к девиантности. Рассматривая типологию комендантов-охранителей даже на ограниченном пока документальном материале, можно воспользоваться социологическим подходом (идеальные типы и типы отклонения от нормы). Близкой к нормативному типу участкового коменданта может служить биография и деятельность Г. В. Беликова. Выходец из бедной крестьянской семьи, в Гражданскую войну на ее завершающей стадии он служил в РККА, вступил в партию в 1921 г., затем три года служил в ЧК на низовых должностях; в 1924 г. перешел на службу в тюремное ведомство (начальник двух тюрем в Западной Сибири), отсюда в 1926 г. – в юридическое ведомство (народный судья, затем помощник окружного прокурора). С 1931 г. по партмобилизации был переведен в Отдел спецпоселений СибЛАГа, возглавлял последовательно четыре участ-

ковые комендатуры, в каждой из которых работал по полтора-два года. Имел, как практически все коменданты, партвыговор в 1934 г. «за срыв уборочной кампании», но и регулярно во второй половине 1930-х гг. получал благодарности и денежные премии в размере месячного оклада (700 руб.) за успешную организацию аграрного производства в неуставных артелях Нарымского округа.

Тип девиантного коменданта содержал в себе широкий набор отклонений от нормативного поведения в работе и сфере личной жизни – от дисциплинарных нарушений до бытового разложения. Так, один из комендантов, исключенный из партии и уволенный со службы, обвинялся в систематическом пьянстве, утрате оружия и издевательствах над женой. Другой – в систематическом пьянстве, в «связях с трудпоселенками», от троих из которых имел детей. Мы не берем во внимание срывы в производственной деятельности, которых не могли избежать все коменданты в своей работе, но девиантное поведение и издевательства над переселенцами, присвоение государственных ресурсов и личного имущества ссыльных имели свои причины, основанные на обладании властью и на возможности почти бесконтрольного насилия над репрессированными.

Между ними помещается тип комендантов-конформистов, которые усваивали нормы охранительной деятельности и на практике стремились их не нарушать, обеспечивая при этом необходимую режимную дисциплину и хозяйственно-бытовую деятельность в спецпоселках. Благодаря деятельности именно этой категории комендантов обеспечивался минимальный уровень жизнедеятельности поселков и находились относительные компромиссы между комендантами и спецпереселенцами. Приведем случай с И. Я. Собиным, работавшим вначале поселковым, затем участковым комендантом Парабельской комендатуры. В 1933 г. райкомом партии рассматривался вопрос о немедленном снятии его с должности за «явно примиренческую политику к вредительству со стороны спецпереселенцев» [Книга памяти, с. 522]. В вину ему ставилось непринятие мер к тому, что спецпереселенцы распределили между собой часть собранного урожая зерновых до выполнения государственного плана. Однако благодаря покровительству И. И. Долгих, который ценил хозяйственных комендантов, Собин не только не был снят с должности, но и через некоторое время переведен в аппарат Отдела спецпоселений, став помощником Долгих.

Сформированный и действовавший в 1930-е гг. комендантский корпус спецпоселений северных комендатур Западной Сибири по своим функциональным и поведенческим характеристикам представлял собой профессиональную корпоративную группу, наделенную трудно реализуемыми полномочиями в силу противоречивого соединения в работе ее представителей типично охранительно-изоляционных (надзирать и наказывать), производственно-хозяйственных (организовывать и поощрять, стимулировать) и политико-идеологических

(«перевоспитывать») функций. Эта группа не обладала в значительной своей массе необходимым для их выполнения образовательным уровнем, управленческими и другими компетенциями. Она относилась к низкой статусной категории в иерархии работников охранительных институтов и была зависима от надзора не только со стороны ведомственного управления, но и партийных, прокурорских и судебно-следственных органов. Ее можно определить как группу со слабой вертикальной восходящей мобильностью и высоким «отсевом» из нее вследствие значительной пораженности комендантов девиантным поведением, ослабляющим и без того неустойчивые ресурсы для защитной корпоративной консолидации.

Список литературы

- Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М. : РОССПЭН, 2010. 335 с.
ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 620; Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 47.
ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156, 361; Ф. Р-11. Оп. 4а. Д. 16; Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137; Ф. Р-1353. Оп. 3. Д. 67.
Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР : 1930–1960. М. : Наука, 2003. 306 с.
Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М. : Собрание, 2004. 296 с.
Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 3 / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск : [Нонпарель], 2010. 528 с.
Красильников С. А. Серп и Молох : Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2009. 344 с.
Спецпереселенцы в Западной Сибири : 1933–1938. Новосибирск : ЭКОР, 1994. 310 с.
ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766; Ф. 3 Оп. 4. Д. 91.

References

- GANO [State Archive of Novosibirsk Region]. Stock P-3. List 2. Dos. 156, 361; Stock R-11. List 4a. Dos. 16; Stock R-47. List 5. Dos. 137; Stock R-1353. List 3. Dos. 67.
GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-5446. List 18a. Dos. 620; Stock R-9479. List 1. Dos. 47.
Ivnitskii, N. A. (2004). *Sud'ba raskulachennykh v SSSR* [The Fate of Dispossessed People in the USSR]. Moscow, Sobranie. 296 p.
Krasilnikov, S. A. (2009). *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN. 344 p.
Krasilnikov, S. A. (Ed.). (2010). *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii v Novosibirskoi oblasti* [Book in Memory of the Victims of Political Repression in Novosibirsk Region]. Iss. 3. Novosibirsk, [Nonparelle]. 528 p.
Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1933–1938 [Special Settlers in Western Siberia. 1933–1938]. (1994). Novosibirsk, EKOR. 310 p.
TsA FSB RF [Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Stock 2. List 11. Dos. 766; Stock 3. List 4. Dos. 91.
Viola, L. (2010). *Krest'yanskii GULAG: mir stalinskikh spetsposelenii* [Peasant GULAG: The World of Stalin's Special Settlements]. Moscow, ROSSPEN. 335 p.
Zemskov, V. N. (2003). *Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960* [Special Settlers in the USSR. 1930–1960]. Moscow, Nauka. 306 p.